

ГЕОРГ МЕГГЛЕ

Мысли об иракской войне

0. ВВЕДЕНИЕ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

0.1. И в случае иракской войны важнейший вопрос звучит так: В чем смысл этой войны? Какую функцию призвана выполнять эта война с точки зрения тех, кто ее планирует, начинает и ведет? Что значит она для населения Ирака, Среднего и Ближнего Востока? Как повлияет эта война, которую некоторые уже сейчас рассматривают как поворотный пункт всемирной истории, на ход событий в течение оставшейся части текущего столетия?

0.2. Это трудные вопросы; слишком трудные для того, чтобы на них мог настоящему ответить один человек. И все-таки мы не вправе уклоняться от ответа на них. Ни как сообщества, ни как личности. Ибо: от того, как мы на них отвечаем, зависит то, какую роль в этой войне играем мы сами, добровольно или вынужденно. Кроме того, снова и снова возвращаясь к этим вопросам, мы, возможно, многое узнаем и о самих себе. А может быть, мы узнаем кое-что и о том, как мы могли бы более адекватно встретить следующую войну, следующий этап провозглашенной серии военных акций.

0.3. Во всяком случае ошибочным было бы мнение, что на подобного рода вопросы могут ответить только историки будущего. Ибо разве эти ученые мужи делают что-то иное, кроме того, чтобы для лучшего понимания в некотором более объемлющем контексте — который, надеюсь, будет для них доступнее, чем для нас — ретроспективно анализировать наши сегодняшние взгляды и поступки? Однако даже если бы мы могли проникнуть в будущее и уже сейчас заглянуть в книги последующих историков: какая польза была бы нам от этого, если бы в этих книгах был бы отмечен лишь тот факт, что мы, подобно большинству предшествующих поколений, даже не ставили сколько-нибудь серьезно вопроса о смысле и цели войны.

0.4. Однако дело обстоит не так. Дело в том, что после 15 февраля — после субботы 15 февраля 2003 года — мы знаем следующее: если бы будущие историки действительно высказали такое мнение о нас нынешних, то они были бы не правы. Почему в этот день на всех континентах ради одного и того же общего дела на улицы вышло больше людей, чем когда-либо прежде во всей

истории человечества? В конце концов все же только по одной причине: все до сих пор предлагавшиеся нам объяснения смысла войны были для нас слишком скудными.

0.5. Наши будущие историки поступили бы правильнее, если бы они вместо этого задали себе следующий вопрос: почему несмотря на эту огромную по численности глобальную оппозицию в 2003 году от рождества Христова иракская война II стала реальностью?

Но не будем ждать историков. Каков же наш собственный ответ? Итак, вашего ответа я еще не знаю — и поэтому уже сейчас с нетерпением жду нашей последующей дискуссии. Как бы выглядел мой собственный ответ? Именно это и есть тема моего сегодняшнего доклада.

1. ЭТО НЕ БЫЛ ЗАГОВОР

1.1. Некоторые сравнивают наше нынешнее положение с ситуацией, сложившейся непосредственно перед началом Первой мировой войны. Это сравнение в качестве воспоминания и предостережения призвано указать на то, сколь невообразимо ужасными могут быть войны и их последствия; и в этом смысле оно, конечно, делается с благими намерениями. И тем не менее оно неверно. Нельзя сказать, что мы сейчас скатываемся к войне. Иракская война II с самого начала планировалась тщательно и масштабно. Из дня в день до самого последнего момента повторявшиеся заверения высшего командования о том, что этой войны никто не хочет, — это чистейшая ложь.

1.2. Более того: планирование войны было открытым; эта война не есть результат заговора. С начала 90-х годов проводившиеся подготовительные дебаты об этой войне и об обосновывающей ее необходимость новой стратегии не были — во всяком случае, не были *только* — закрытыми.

Планирование этой войны удовлетворяло демократическому критерию, в соответствии с которым каждый, кто хотел иметь информацию о соответствующих дебатах, имел ее, или лучше сказать — мог бы ее получить. Вовлеченные в дело Think Tanks [интеллектуалы, «мозговые центры»]¹ размещали свои варианты решений и геополитические наброски в Интернете; доклады, меморандумы и результаты дискуссий публиковались в газетах и журналах; библию идейных подготовителей этой войны — книжку Збигнева Бжезинского «The Grand Chessboard. American Primary and Its Geostrategic Imperatives» [«Большая шахматная доска. Приоритет Америки и ее геостратегические императивы»] можно было купить с 1997 года (с 1999 года также и в немецком переводе). К началу последней открытой демонстрации силы — впервые «в режиме реального времени»² — уже существовал даже точно рассчитанный по времени полный сценарий военных действий. Немецкая публика имела возможность познакомиться с ним — в отрывках, распределенных по четырем сериям — в журнале

¹ Здесь и далее примечания в квадратных скобках сделаны переводчиком.

² См.: Гидеон Роуз (издатель журнала «Foreign Affairs»), четвертая сторона обложки.

«*Spiegel*». Для последующего чтения я рекомендую книгу бывшего аналитика ЦРУ и эксперта по войне в Персидском заливе Кеннета Поллака: «The Threatening Storm. The Case for Invading Iraq» [«Грозная буря. Аргументы в пользу оккупации Ирака»]. В моем семинаре по иракской войне в предстоящем летнем семестре анализ этого сценария будет занимать центральное место.

1.3. Тех, кто планирует войну, как правило, можно считать кем угодно, то только не дураками.³ Им приходится просчитывать все возможные варианты; и за зеленым столом они по большей части делают это весьма основательно. И поэтому по крайней мере для наиболее проникательных политстратегов иракской войны II вряд ли могла быть неожиданностью даже глобальная оппозиция в отношении их проектов. (Поначалу казавшийся реальным успех пацифистского движения был наибольшей неожиданностью для самого этого движения; рассчитывать на подлинный успех было бы, правда, совершенно нереалистично. Почему же несмотря на это я в понедельник вечером по возможности старался быть среди демонстрантов? Охотно объясню вам это во время дискуссии после доклада.)

Поэтому вопрос как для будущих историков, так и уже для нас самих на самом деле мог бы состоять лишь в следующем: почему в 2003 году планировщики и организаторы войны в Ираке, зная, что почти весь мир будет против этой войны, тем не менее продолжали упорно настаивать на ней?

1.4. Разумеется, не потому, что они были так уж одержимы жаждой войны. Буш и Блэр вместе с их штабами по планированию и многочисленными интеллектуальными подготовителями — отнюдь не преступники, во всяком случае, не обычные преступники в смысле уголовного права. Нет, я думаю, здесь дело обстоит гораздо хуже. Лица, совершившие это деяние, не обременены ни малейшими проблесками сознания своей неправоты. Напротив: они целиком и полностью убеждены в правильности своего решения. Когда, например, Блэр говорил: «I passionately believe» [«Я страстно верю»] (в то, что эта война необходима и потому может быть оправдана), то здесь и я ему верил; я верил, что он в это действительно верит — хотя мне кажется несколько странной выражаемая в этом его «I passionately believe» связь между Belief [верой] и Passion [страстью]; менее странно звучало бы высказывание: «I passionately want and desire» [«Я страстно хочу и желаю»]. Объявления войны — это не любовные признания. Или все-таки это в каком-то смысле так? Аnyhow [как бы то ни было] — коль скоро речь идет о войне, то моралисты, подобные Тони Блэру, внушают мне больший страх, чем якобы холодно-расчетливые прагматики в Пентагоне. Между прочим: я знаю о том, что большинство американских генералов не хотели этой войны; опять-таки именно политики продемонстрировали тот факт, что история человечества их так ничему и не научила. Рекомендую еще одну книгу: «Die Torheit der Regierenden» [«Безумие правящих»] Барбары Тухманн.

³ Один из самых хитрых ходов состоит в том, что они иногда позволяют себе выбрать глупого или же ловко разыгрывающего роль глупца президента. Ergo [следовательно]: смеяться над глупостью президента не есть признак большого ума.

1.5. Итак, повторю вопрос: почему же западные инициаторы иракской войны II даже после 15-го февраля, причем отлично зная о том, что им придется столкнуться с сопротивлением во всем мире, все же и в дальнейшем могли сохранять твердую убежденность в правильности своего решения и неуклонно настаивать на нем?⁴ Что за ментальный «софт» направлял события к войне? Почему — как удачно было сказано в «Zeit» 30 января 2003 года — «автопилот этого кризиса (с самого начала) был установлен на войну»?

Чтобы ответить на этот вопрос, мы должны рассмотреть самый опасный из имеющихся на свете программных продуктов. Это — «софт», управляющий нашими оценками, так или иначе влияющими на процесс принятия решений относительно войны. И в этом случае это — западный продукт. Итак, я хочу теперь сосредоточить внимание на этом этическом «софте» made in USA.

2. ВОЙНА В ИРАКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ США

Говоря об управляющих факторах, задействованных в этом американском программном обеспечении военной ментальности, следует различать три уровня: (1) общие управляющие факторы, (2) факторы, определяемые контекстом 11 сентября, и, наконец, (3) факторы, определяемые спецификой ситуации в Ираке и вокруг него.

2.1. Общие факторы

Сначала об общих факторах. Это вместе с тем такие факторы, которые более всего иммунизированы по отношению к ревизиям. Среди них следует опять-таки различать два типа: с одной стороны, это те факторы, которые считаются настолько само собой разумеющимися, что в этой управляющей программе они работают как бы в качестве априорных принципов; с другой стороны, это ряд дополнительных фактических допущений, которые на самом деле играют не менее определяющую роль. Прежде всего, разумеется, мы поговорим об априорных принципах.

A. Априорные факторы

2.1.1. То, как США обращаются с Ираком, есть лишь частный случай того, как США обращаются со всем миром. Какова с точки зрения самой Америки та роль, которую она играет на этой планете? В чем состоит та геополитическая задача, которая якобы выпала на долю этой страны?

Вопросы эти вроде бы выглядят достаточно невинно. Однако такое впечатление они производят лишь в том случае, если слышать их ушами американца. Дело в том, что молчаливо принятая предпосылка, лежащая в основе самой постановки такого вопроса («США имеют глобальную миссию»),

⁴ Этот момент имеет интересную сторону — в том числе и для меня самого — с точки зрения политики мира. Тот факт, что для подготовителей войны наша оппозиция не могла быть неожиданностью, в свою очередь также не может считаться неожиданным. Об этом мог знать любой. Но какой смысл в таком случае имеют все эти антивоенные демонстрации? Почему я сам участвовал и по возможности продолжаю участвовать в лейпцигских «понедельничных вечерах»?

для американца даже не подлежит обсуждению. Открытым остается лишь вопрос о том, в чем эта миссия заключается. «We have a mission» [«У нас есть миссия»]. Это – первый априорный принцип обсуждаемого «софта».

2.1.2. Какова миссия Америки сегодня? За что готова бороться эта нация? В лаконичной и ясной формулировке ответ на этот вопрос содержится в появившемся в феврале 2002 года публичном заявлении («What we're Fighting for» [«За что мы сражаемся»]), где около 60 американских интеллектуалов высказались за настоящую – а не только понимаемую метафорически в смысле борьбы – войну против терроризма, причем в тогдашней ситуации это вместе с тем было и выступлением за войну в Афганистане.

Согласно авторам заявления, Америка борется прежде всего за одно: «for the American values» [«за американские ценности»]. Это – второй американский априорный принцип: миссия Америки состоит в борьбе за определенные ценности.

2.1.3. Третий априорный принцип имплицитно уже содержится во втором. Его экспликация выглядит так: «Миссия Америки имеет форму борьбы». Если мы посмотрим на другие культуры, то этот принцип отнюдь не покажется нам самоочевидным или тривиальным. А почему бы не миссионерство просто посредством примера для подражания? Но такое миссионерство – не для Америки. Многие – и отнюдь не только американцы – говорят, что сила Америки состоит в том, что эта страна обладает энергией борьбы.

И эта борьба Америки за свои ценности при определенных обстоятельствах с необходимостью означает войну. («At times it becomes necessary for a nation to defend itself through force of arms» [«Иногда нация оказывается перед необходимостью защищать себя силой оружия»]). Это – первая фраза из преамбулы к «What we're Fighting for». Сама по себе она еще не представляет собой ничего особенного; почти все нации смотрят на вещи таким образом. Однако из текста данного заявления через несколько строк, все еще в преамбуле, явствует, что здесь речь идет не только о самозащите, но чем-то большем: «We fight to defend ourselves and to defend (our) universal principles» [«Мы сражаемся, чтобы защитить самих себя и свои универсальные принципы»].

2.1.4. Три вышеприведенных априорных принципа в своей совокупности дают то, что в самом этом военном манифесте обозначается как «ядро американской идентичности»: миссия Америки состоит в борьбе за американские ценности, а если надо, то и в войне за эти ценности. Войны, которые ведет Америка – это помимо прочего миссионерские войны. Выражаясь старомодным языком, можно сказать и так: войны, которые ведет Америка, – это своего рода крестовые походы. Первые высказывания Буша после 11 сентября отнюдь не были оговоркой.

2.1.5. Итак, таково ядро рассматриваемой концепции. При этом под войной ни в коем случае не имеется в виду только гражданская война. (Хотя, как показал в своей книге «Das Jahrhundert verstehen» [«Как понять этот век»] наш лейпцигский коллега Дан Динер, американские войны именно потому в значительной мере носят характер истребительных кампаний, что представляемая этой

страной военная концепция несет на себе весьма глубокий отпечаток ее собственного опыта гражданской войны.) Важно понять: американская военная доктрина подразумевает не только гражданскую, но и внешнюю войну.

Именно это, собственно, и следует из четвертого американского априорного принципа, согласно которому американские ценности совпадают с ценностями, значимыми для всех людей, или, соответственно, если они пока еще с ними не совпадают, то обязательно должны совпасть. Еще одна цитата, опять-таки из того же самого прозрачного источника: «American values' do not belong only to America, but are in fact the shared inheritance of humankind, and therefore a possible basis of hope for a world community based on peace and justice» [«Американские ценности' принадлежат не только Америке, но фактически являются общим наследием всего человеческого рода и поэтому возможной основой надежд мирового сообщества, строящегося на принципах мира и справедливости»]. (NB: среди многочисленных группировок, борющихся во всем мире за глобализацию американских ценностей, «Фонд Наследие» является не только одной из самых консервативных организаций; пожалуй, это организация, имеющая наибольшее влияние в мире.)

Таким образом, именно «американские ценности» в конечном счете являются — или должны стать — ценностями, имеющими универсальную значимость. «Американские ценности» совпадают (фактически или в идеале) с всеобщими правами человека. Хорошо, — однако именно поэтому верным оказывается и обращение: идеал, за который надлежит бороться и даже воевать, состоит в том, чтобы добиться установления такого мирового порядка, при котором всеобщие права человека будут определяться в соответствии с «американскими ценностями».

2.1.6. Априорные принципы, образующие ядро американской концепции, дополненные постулатом универсальности, — являются мотором американской экспансионистской политики. Не зная этой движущей силы, американскую геополитику понять невозможно. Американское мировое господство подчиняется одной верховной цели: это — универсальное господство прав человека. Все, что Америка делает в этом мире, измеряется этой целью, является лишь средством для ее достижения. (Не забывайте: я говорю исключительно о том, как Америка видит мир и саму себя.) Все действия Америки суть в конечном счете лишь инструменты для реализации этой ее верховной цели. В частности и прежде всего это относится к американским войнам. С точки зрения типологии идеалов все американские войны (разумеется, в контексте ее самопонимания) в конечном счете являются гуманитарными военными интервенциями. Исправление мира — ради этого Америка в среднем по меньшей мере каждые два года отправляется на войну. В истории человечества до сих пор не известно другой такой страны, которая воевала бы так много в различных местах планеты.

2.1.7. О том, в чем же, собственно, состоят эти американские/универсальные ценности, в заявлении «What we're Fighting for» говорится сравнительно мало. Это и понятно: ибо названные там центральные ценности — «свобода», «равенство» и «человеческое достоинство» — допускают, как все мы

знаем, весьма различное истолкование. И где нужна универсальность, там и в самом деле следует как можно меньше ограничивать спектр возможных интерпретаций.

Этим я сегодня ограничу свое рассмотрение американских априорных принципов.⁵

В. Дополнительные фактические допущения

2.1.8. Однако свою настоящую взрывную силу (часто также и в самом буквальном смысле) эти американские «априори» приобретают лишь в сочетании с целым рядом дополнительных фактических допущений. Я теперь перехожу к рассмотрению только тех из них, которые нужны нам для того, чтобы понять то, почему решение Америки о начале войны в Ираке с американской точки зрения является совершенно последовательным и потому не может быть поколеблено никакими протестами, даже всемирного масштаба.

Два первых дополнительных допущения относятся к конкретизации понятий, в которых определяются центральные ценности — свобода и достоинство человека. В остальных дополнительных допущениях речь идет о более детальном определении отношения Америки к остальному миру.

В.1 Конкретизация понятий

2.1.8. Символ Америки знаком каждому: это статуя Свободы. Эта фигура символизирует не только те свободы, на которые ориентировалась, следуя здесь образцу Америки, Великая французская революция. (Впрочем, статуя Свободы — это благодарственный подарок Франции Америке.) Что касается американского понимания того, что же такое «freedom» [«свобода»], то эта символическая фигура стоит как раз на самом подходящем месте: перед южным краем острова Манхэттен, в нью-йоркской гавани, в самом центре торговли Нового Света. К минимуму знаний, необходимых для понимания сегоднешнего мира, принадлежит и следующее: «freedom» в контексте рассматриваемого нами американского ментального «софта» прежде всего означает свободу обмена товарами, короче — свободу торговли. На международном уровне это, таким образом, не что иное, как свобода рынков.

Американские освободительные войны — это, как правило, торговые войны. Войны за свободу торговли. (Свобода торговли здесь, конечно, опять-таки понимается в американском смысле: как можно меньше ограничений со стороны государства.) В американской модели глобализации эти войны дополняются лишь еще одним страшно эффективным оружием: это — инструмент геостратегической экономической войны. (Причем различие между обычной войной и войной экономической все больше стирает-

⁵ Вопрос-тест: есть ли у вас возражения — и притом принципиальные — против этих четырех американских/универсальных априорных принципов?

Мое несварение желудка в данном случае начинается примерно так. Если уж начать с первого «априори», то насколько вообще необходимо какой-то стране иметь некую миссию? Не были ли самыми счастливыми как раз те народы, которые не страдали жадной экспансии? И т. д., и т. п.

ся. Скоро уже нельзя будет разобрать, какая сторона здесь является вспомогательным инструментом для другой.)

2.1.10. Второе дополнительное допущение, опять же образцово сформулированное в упомянутом военном манифесте (с. 2), касается другой центральной ценности американцев – достоинства человека, причем вопреки кантовскому запрету инструментализации (вы его уже знаете: никогда не обращайтесь с человеком только как со средством для достижения какой-либо цели) эта ценность здесь в конечном счете увязывается с... чем бы вы думали? С продуктом успешного западного развития: с нашей демократией. «The clearest political expression of a belief in ... human dignity is democracy» [«Наиболее ясным политическим выражением веры в ... человеческое достоинство является демократия»] (с. 2).

В.2. Особое место Америки

Американская идея становится тем самым конкретнее: верховная цель миссии Америки – это реализация универсальности как свободы рынков, так и демократической формы правления. Хорошо? Давайте пока просто примем это допущение.

Но почему реализация этой идеи должна быть именно миссией Америки? Из приводимых американскими идеологами доводов в пользу этого допущения мы рассмотрим опять-таки только те, которые особенно важны в связи с сегодняшней ситуацией.

2.1.11. Довод 1: «А кто же еще?». Лишь Америка является страной, которая вообще способна на это. Ибо (довод 1a): только Америка имеет вообще такое желание. И это опять-таки определяется двумя моментами. Довод 1b: лишь Америка достаточно оптимистична для того, чтобы и в самом деле верить в возможность реализации этой идеи. И сюда, естественно, присоединяется довод 1c: только Америка располагает ресурсами (финансовыми, материальными, а также культурными), необходимыми для достижения такой цели.

2.1.12. Довод 2 выражает американское геополитическое самосознание – и он выражал бы его даже в том случае, если бы мы абстрагировались от вышеупомянутой идеи. Он гласит: «America or Chaos». Америка или хаос! Это и есть постулат Необходимого (геополитического) Господства Америки, сокращенно: постулат NVA [*нем.*: Notwendige Vorherrschaft Amerikas].

За постулатом NVA стоит американский (геополитический) «реализм». Последний гласит: Международное сообщество государств все еще (а может быть, это относится ко всем временам) следует, если уж коса находит на камень, аморальным законам естественного состояния *a la* Гоббс. Поэтому, чтобы мир не погряз в войне всех против всех, гоббсовское решение оказывается необходимым и на международном уровне: некий глобальный левиафан, могучий правитель, единственный гарант мира, порядка и справедливости.

Америка или хаос. Этот постулат NVA непосредственно вытекает из американского реализма и американского: «а кто же еще?».

2.1.13. Левиафан, коль скоро он никому не подчиняется, стоит также и выше права. Глобальный левиафан, таким образом, оказывается выше и международного права. Именно такое самопонимание Америка демонстрирует сегодня всему миру. Разумеется, безо всяких угрызений совести, как это и положено левиафану. Теперь понятно? Теперь вам ясно, почему слово «империя» для самой Америки уже не является ругательным? почему в писаниях ее ведущих идейных подготовителей она и сама обозначается именно так? и почему в «The Grand Chessboard», в упомянутой мною уже в самом начале американской азбуке геополитической шахматной игры, идейный вдохновитель этого радикально последовательного американизма Збигнев Бжезинский совершенно открыто называет союзников Америки ее вассалами?

2.1.14. Забегу вперед. Бжезинский не только представил нам предельно ясный план того, как империя США должна реализовывать свою идею свободы и человеческого достоинства (читай: глобализации рынков и смены режимов безо всяких ограничений), чтобы продержаться все 21-е столетие, The new American Century [новый американский век], что помимо прочего предполагает, что «экономически жизненно важный регион» в Персидском заливе «должен быть превращен в сферу американского военного присутствия»; в одной своей не менее жутковатой в своей откровенности статье (Die Welt, 24.12.02, S. 7) он высказался уже на такую тему, как «Совет Безопасности и война в Ираке»: его номинальный тезис сформулирован уже в самом заголовке: «Америка не должна выступать против Ирака без поддержки ООН». Это звучит неплохо и для старо-европейских вассалов США. Однако сам текст выглядит иначе. Более подходящим заголовком для него было бы: «Америка, если она хочет максимально выгодно продать эту войну своим вассалам, не должна выступать против Ирака без поддержки ООН». Это ограничение — «не должна без» — есть, таким образом, не что иное, как всего лишь тактическое требование, а отнюдь не требование моральное или правовое. Морально-правовое измерение здесь вообще не играет никакой роли. Все ясно?

2.1.15. Следующая цитата из той же самой статьи Бжезинского не нуждается в комментариях: «В конечном счете речь идет не о Саддаме Хусейне и не об Ираке — ни тот, ни другой не представляют собой серьезной опасности для международного сообщества или для США. В этом кризисе на карту поставлена легитимность глобальной руководящей роли США». Может быть, эта война была начата только для того, чтобы с этого момента больше не оставалось никаких сомнений в легитимности этой руководящей роли? Тогда смысл этой войны заключался бы попросту в следующем: левиафан показывает, кто есть левиафан. Если смысл в этом, то тогда мы теперь знаем также, почему империя настраивает нас на принятие принципа неограниченной войны. Левиафан должен, чтобы оставаться левиафаном, все снова и снова демонстрировать миру, что левиафан все еще левиафан. Без всяких сомнений и угрызений совести. Лишь так можно избежать хаоса. Логично, не правда ли?

2.2. Факторы, определяемые контекстом.

Международный терроризм

2.2.1. Не знаю, обратили ли вы внимание: 30 минут – и об одной теме пока еще ничего не сказано (во всяком случае не сказано эксплицитно). Пока ничего о том, о чем начиная с 11 сентября почти исключительно говорят сама империя, ее вассалы и – так во всяком случае хочет сам император – весь действующий все более послушным остальной мир: а именно – о международном терроризме и о его разновидностях, как тех, которые искусственно связываются с событиями 11 сентября, так и тех, которые связаны с ними на самом деле. Но именно тем самым мы фактически уже показали следующее: описываемая идеология американского империализма функционирует и без обращения к этой теме. Q. e. d. [Quod érat demonstrandum <лат.> – что и требовалось доказать.] Экспансия империи США в принципе может осуществляться и так. Однако после, вследствие и, пожалуй, при определенном использовании событий 11 сентября американская империалистическая экспансия идет значительно легче, приобретая новые измерения.

2.2.2. Но осторожно! Не надо поспешных выводов: я лишь следую новому американскому think-tank-жargonу [жargonу, идущему от американских «мозговых центров», обслуживающих данную идеологию]. Тестовый вопрос ко всем, кто рассуждает об антиамериканизме: дозволительно ли неамериканцам говорить по-неоамерикански? Однако не будем забывать о наших будущих историках. Им придется нелегко. Будут ли они еще в состоянии определить надлежащее место на своих книжных полках для старых NVA- и RAF-текстов, с одной стороны, и для неоамериканских NVA-текстов – с другой?

2.2.3. Итак, как было сказано, американская политика внешней «защиты» американских ценностей благодаря событиям 11 сентября идет как по маслу. И меня в этом месте интересует именно эта политика. Здесь и далее речь пойдет – как выражаются, ориентируясь на всех любителей геополитических игр, наши средства массовой информации – об игре США против Ирака. Напряженность нарастает до предела. Мир дрожит от возбуждения: когда же, наконец, начнется игра? Внутренние действия – как уже тот факт, что этот вопрос вполне соответствует реалиям инсценировки иракской войны II на манер грандиозной азартной игры «Супербоул» [финал первенства национальной лиги американского футбола] – весьма противоречивы. Свобода, равенство перед законом, человеческое достоинство. Как, простите?

2.2.4. Прежде чем мы вместе со многими нашими современниками обозначим начало этого следующего тура на глобальной шахматной доске империализма как начало новой эпохи, оглянемся ненадолго назад. Посмотрим на важнейшую веху, предшествующую событиям 11 сентября. На событие, которое один автор, ставший знаменитым почти только за это выражение, назвал «концом истории». И как выясняется теперь, он был не прав. С развалом Советского Союза и, соответственно, концом глобальной мультилатеральности (определявшейся по крайней мере двумя сторонами) начинается новая эпоха: лишь

теперь только и начинается по-настоящему будущее Новой Америки. А может быть, автор своим заголовком хотел сказать именно то, что теперь, с наступлением безраздельного господства Америки, история, эта надоевшая конструкция Старой Европы, действительно кончилась, должна кончиться. Сам автор старается не отстать от этого стремительного развития: название его новой книги гласит: «Конец человечества?». Что это значит?

2.2.5. «Сентябрь 11 (одиннадцатое)» (название книги Нафиза М. Ахмеда). Что только не изменилось в этот день! Наиболее важные изменения можно наблюдать в определении смысла и цели войны в Ираке: в результате шока от событий этого дня и получившего тем самым дальнейшее распространение террора стали возможными события, которые до этого были совершенно немислимыми. Империя со своими вассалами теперь заглатывает такое, чего прежде она не пробовала. Например, New Grand Strategy [Новая Большая Стратегия] Буша: новая NSS: новая National Security Strategy [Стратегия Национальной Безопасности], официально представленная общественности 17 сентября 2002 года.

2.2.6. Эта стратегия имеет множество аспектов. Наиболее важный в нашем контексте аспект обозначен уже в самом названии параграфа V: «Prevent Our Enemies from Threatening Us, Our Allies, and Our Friends» [«Предотвратить угрозу... со стороны наших врагов в отношении нас, наших союзников и друзей»]. Хотя это название имеет конкретизацию: «from Threatening... with Weapons of Mass Destruction» [«угрозу... применения оружия массового уничтожения»], – все же само содержание текста носит гораздо более обобщенный характер. «Our forces will be strong enough to dissuade potential adversaries from pursuing a military build up in hopes of surpassing, or equaling, the power of the United States». [«Наши вооруженные силы будут достаточно оснащены для того, чтобы убедить потенциальных противников не наращивать свои вооружения в надежде превзойти или хотя бы даже сравняться с мощью Соединенных Штатов»]. Говоря открытым текстом: врагами на самом деле считаются уже все те, в отношении кого сегодня нельзя исключить возможности того, что они в будущем окажутся в состоянии развить потенциал, позволяющий им даже только помыслить о том, что они когда-нибудь смогут хотя бы лишь приблизиться к США. Что же в этом контексте означает «dissuade» [«отговорить», «разубедить», «убедить не делать чего-л.»]? В обычном случае – то же самое, что и сейчас. В идеальном же случае должно быть достаточным уже одного только знания о «мощи Соединенных Штатов». Что, разумеется, будет функционировать лишь в том случае, если не будет никаких сомнений в том, что США могут действительно применить свою силу в любой момент. Кто-нибудь еще сомневался в этом после Хиросимы и Нагасаки?

2.2.7. Если да, то ведь должно быть ясно, что самоограничения, которые Америка налагала на себя после Хиросимы, были продиктованы исключительно одним фактором: ситуацией, называемой «взаимно гарантированным уничтожением» [англ.: MAD – Mutual Assured Destruction], т.е. определялись стратегией, базирующейся на программном продукте взаимного уст-

рашения. После распада Советского Союза это самоограничение стало ненужным. Итак: прочь этот исторический балласт.

2.2.8. Благодаря событиям 11 сентября стало возможным удовлетворить давно назревшую идеологическую потребность: определить то, в чем же состоит новая угроза. Американские вооруженные силы сильнее десяти, а может быть, даже двадцати вместе взятых государств, следующих по своей военной силе за Америкой. Так чего же теперь еще бояться Америке? Для чего теперь нужны эти непомерно разросшиеся военные средства?

Ответ: 11 сентября: у Америки есть враги и не в форме государства. И эти враги нового типа в принципе располагают средствами не менее разрушительными, чем вчерашние враги. Правда, террористы 11 сентября (во всяком случае те, которые были в самолетах) вместо оружия массового уничтожения имели в своих руках всего лишь ковровые ножи; однако при следующем террористическом акте дело может обстоять и иначе. «The United States must and will maintain the capability to defeat any attempt by an enemy – whether a state or non-state actor – to impose its will on the United States, our allies, or our friends» [«Соединенные Штаты должны и будут сохранять свою способность отразить любую попытку врага – будь то государство или какая-либо негосударственная сила – навязать свою волю Америке, ее союзникам или друзьям»] (с. 19). Америка должна быть в состоянии защитить себя от любых попыток силового воздействия.

2.2.9. Самой большой опасностью было бы сочетание терроризма, с одной стороны, и оружия массового уничтожения [*нем.*: MVW – Massenvernichtungswaffen] – с другой. Эту опасность необходимо устранять любыми средствами. Поэтому необходимо нейтрализовать всех тех возможных поставщиков MVW, которые так или иначе ориентированы на терроризм. И причем сделать это надо до того, как такие поставки будут осуществлены. Ибо потом будет поздно. Логический вывод: новая американская стратегия превентивного удара. Она направлена, как сказано, с одной стороны, против негосударственных сил: т. е. по образцу израильской стратегии превентивного убийства она направлена также и против отдельных лиц – напр., физическое устранение в Йемене одного предполагаемого члена «Аль Каиды» (вместе с его сопровождением) с помощью дистанционно управляемого средства нападения; но вместе с тем эта стратегия направлена и против государств. Прежде всего этот последний момент предполагает необходимость дальнейшего сохранения военного аппарата, способного эффективно действовать на глобальном уровне.

2.2.10. В качестве наиболее вероятных поставщиков MVW рассматриваются так называемые государства «оси зла» [Schurkenstaaten – букв. государства-злодеи, государства-преступники]. Стратегия превентивного удара нацелена прежде всего на государства этого типа. Не на все сразу, а по очереди. Лишь когда все государства «оси зла» станут демократиями, иссякнет этот самый опасный из всех источников терроризма. Итак, перед американской военной машиной опять ставятся великие задачи.

2.3. Факторы, определяемые спецификой ситуации в Ираке и вокруг него

Иракская война II — это первый тест для NSS, для Большой стратегии Буша на межгосударственном уровне. (Что касается другого уровня, то о Йемене мы только что упомянули.)

2.3.1. Почему именно Ирак избран врагом №1? По многим причинам, большинство из которых таковы, что и каждая в отдельности могла бы считаться достаточной.

Итак, заметьте: за войну в Ираке, вопреки официальному мнению большинства стран, существует аргументов даже больше, чем это необходимо. Это, конечно, наверняка вызовет раздражение у всех тех, кто в каждом случае требует, чтобы был указан лишь один аргумент. Как вы знаете, я против этой войны. Однако я не понимаю, каким образом в качестве аргумента против нее может рассматриваться тот факт, что ее сторонники приводят разные причины и не могут договориться о какой-то одной. Тем более, что сами военные стратеги такой логической ошибки не делают. Самые умные из них, т. е. опять тот же Бжезинский, уже давно указывают на то, что для того, чтобы эта война могла быть наиболее выгодно представлена в средствах массовой информации, следовало бы заранее договориться о каком-нибудь одном официальном аргументе в ее пользу.

2.3.2. Однако этого не получилось. Почему? И здесь тоже не одна, а несколько причин. Причина 1: не все планировщики войны одинаково оценивали важность одних и тех же аргументов. Пентагон тянул в одну сторону, а государственный департамент, по крайней мере, вначале, — в другую. Причина 2: у планировщиков войны все же был один общий момент с противниками войны: ни один из приводимых аргументов не был таким, чтобы в нем были убеждены все или хотя бы те лица, которые обладают наибольшим влиянием. Причина 3: просто тем, кто занимался поиском аргументов в пользу войны, их приходило в голову слишком много. В дело шло все, что хоть как-то пахло чем-то приемлемым. Если это действительно так, то здесь сторонникам войны пришлось поплатиться за тот факт, что большая часть приготовлений к войне оказалась в руках рекламных дельцов. Чемпион по продаже супа — это еще не мастер военной пропаганды. Поэтому на будущее сторонники войны могли бы сойтись по крайней мере на одном выводе: торговцев супом — вон!

2.3.3. Приведу лишь некоторые из этих так называемых аргументов.

- С Ираком надо свести некоторые старые счеты.
- Лучший путь в Иерусалим лежит через Багдад, Тегеран и, наконец, Дамаск.
- Ирак наиболее подходящий объект для реализации великих геополитических задач (он достаточно сильно зависит от ОПЕК, в частности, от Саудовской Аравии).
- Саддам Хусейн как крайне одиозная политическая фигура — это уже достаточный аргумент для начала войны с Ираком.
- В силу ужасного положения с правами человека в Ираке, уже многие годы осуждаемого Amnesty International, военное вторжение в эту страну было

бы вместе с тем своего рода гуманитарной интервенцией. Америка снова начала войну за права человека; таким образом, она, вопреки прочим злонамеренным заявлениям, помогает восстановить действенность норм международного права именно в том пункте, который действительно является решающим в данный момент.

- Америка должна просто-напросто показать, что и ее терпение (все-таки последняя война была целых 12 лет назад) когда-нибудь кончается. Иначе ее исполнение роли левиафана перестанет быть убедительным.
- После Боснии Ирак лучше всего показывает то, насколько мало дееспособным является международное сообщество без американского лидерства. Это, наконец, должны зарубить себе на носу прежде всего европейцы.

И т. д., и т. п.

2.3.4. И еще всего один аргумент. Возможно, для многих стратегов именно он является самым важным:

Первый тест американской NSS должен в любом случае быть удачным, чтобы сохранилась возможность ее дальнейшей реализации. От этого зависит будущее всей американской глобальной миссии. И в случае Ирака мы, без сомнения, имеем дело с ситуацией, когда успех этого решающего первого испытания выглядит максимально вероятным.

Ибо:

- (i). Ирак, в отличие, скажем, от Северной Кореи, еще не располагает ядерным оружием; если бы оно у него уже было, мы не стали бы на него нападать.
- (ii). Но все же даже если бы оно у него и было, то в настоящий момент можно с достоверностью утверждать, что оно не готово к применению. (Не даром же мы участвуем во всем этом балагане с инспекцией, на самом деле в высшей степени излишней. Но зато у нас есть отличная возможность контролировать ситуацию.)
- (iii). Страна и так на пределе. Люди больше так жить не могут. В этом смысле наши санкции оказались самой оптимальной подготовкой к военному вмешательству.
- (iv). Население Ирака неоднородно. Для начала гигантский фейерверк с мегатерроризирующим эффектом – и три враждующие группы (сунниты, шииты и курды) набрасываются друг на друга, избавляя нас тем самым от большого количества работы.
- (v). Ирак пользуется наименьшей поддержкой в арабском и исламском мире. Правда, баасистский режим в Сирии мог бы выступить в его поддержку. Однако даже это весьма маловероятно.

2.3.5. Итак, мы рассмотрели вопрос о том, какой смысл эта война имеет для Америки. И сами понимаете, какие вопросы можно было бы еще поставить, чтобы полученная картина не была столь односторонне фиксированной на США: какой смысл имеет иракская война II для остального мира? для самих иракцев? для курдов? для Турции? для Тегерана? для Израиля? для Европы? для арабского мира? для Евразии? Вы должны понять и наверняка поймете, что я сейчас уже не имею возможности вдаваться в рассмотрение этих не ме-

нее важных вопросов. О том, как я размышляю о подобных вещах, вы теперь уже составили себе достаточное представление.

3. А ЧТО ЖЕ МЫ?

3.1. Нет, это еще не конец. Ибо остался еще один вопрос, который я не могу оставить без рассмотрения. А именно — самый для нас важный: какой смысл имеет эта война для нас самих?

3.2. Представьте себе, что вы находитесь на месте президента Буша. Каково было бы ваше решение?

Этот вопрос может быть понят двояко, в зависимости от того, с чьими убеждениями и предпочтениями вы сядете в кресло президента США. Первый вариант: вы оказываетесь в этом кресле, переняв убеждения и предпочтения самого Джорджа У. Буша. Но в таком случае вам просто следовало бы взять себе заодно и его имя. Второй вариант: вы — президент, но сохраняете при себе те убеждения и предпочтения, которыми вы обладаете и вне этого кошмарного видения, т. е. вам, чтобы встать на место Буша, не требуется перестать быть самими собой.

3.3. Внешние параметры в обеих ситуациях остаются одними и теми же. Давайте рассуждать так, как если бы нападение и отступление (отказ от нападения) были единственной доступной альтернативой; в обоих случаях рассмотрим только соответствующие наилучшие и наихудшие последствия; при этом допустим, что наилучшими и наихудшими из всех возможных последствий нашего решения о нападении или отступлении были бы примерно следующие:

(«Омега 1») Возможные наихудшие последствия отступления: режим террора Саддама продолжает существовать; возникновение в ближайшие годы действительной угрозы применения Ираком оружия массового уничтожения; следующие президентские выборы я проиграю.

(«Альфа 1») Возможные наилучшие последствия отступления: Саддам вскоре умирает — неважно как; смена режима в Ираке посредством восстания или путча; рано или поздно я получаю Нобелевскую премию мира.

(«Альфа 2») Возможные наилучшие последствия войны: конец режима террора Саддама; цветущие ландшафты во всех частях Ирака; постепенно преобразуется весь регион Персидского залива, а в перспективе, возможно, даже весь арабский — если уж не весь исламский — мир превращается в мир сплошных демократов; прежние террористы становятся нашими партнерами на глобальном восточном базаре, где проворачиваются фантастические сделки.

(«Омега 2») Возможные наихудшие последствия войны: обратите внимание на то, что я (Дж. У. Буш) вместе с Кондолизой и другими моими советниками действительно серьезно отношусь к этой возможности: «Дело кончится атомной бомбой».

Вот теперь выберите: нападать или отступить?

3.4. Если вы человек рационально мыслящий, то вы еще и теперь попытаетесь уклониться от принятия такого решения — и будете просить ваши секретные службы, а также, надо надеяться, некоторых новых экспертов представить вам более детальную информацию. Вполне понятно, какие вопросы вы зададите экспертам по поводу каждой возможной альтернативы. Во-первых: насколько вероятно то и другое? И во-вторых: что можно сделать, чтобы возможные последствия первого и второго решения стали более или, соответственно, менее вероятными?

3.5. Всей этой, с позволения сказать, болтовне экспертов, я, Джордж Буш, большого значения, конечно, не придаю. Не настолько уж я глуп. Я ведь отлично знаю, как работает вся эта лавочка. В конце концов никто из этих людей так ничего и не знает с достаточной точностью и достоверностью. К тому же большая часть сделанных по моему заказу ЦРУ и другими службами экспертиз и без того так или иначе подтасованы. И наконец: кто из моих советчиков обладает полным обзором ситуации? Итак, если вы меня спрашиваете: я в конечном счете предпочитаю полагаться на свою интуицию, которая до сих пор меня неплохо выручала. Вся эта возня экспертов по большей части служит лишь нашей пропаганде. Риторика теории рациональных решений и рациональных игр хорошо воспринимается внешне. Но то, что хорошо для теории, как мне недавно поведали даже некоторые ведущие экономисты, еще не обязательно годится для практики.

3.6. И если вы теперь опять спросите меня, Георга Меггле, то я думаю, что наш фиктивный президент прав. Недавно я снова просмотрел мемуары человека, которому довольно хорошо знакома изнутри вся кухня Белого дома. Это — Генри Киссинджер, лауреат Нобелевской премии мира и бывший военный преступник по Вьетнаму. Он пишет о своем прежнем пребывании в государственном департаменте: «Наши “мозговые центры” прямо-таки кишели людьми, постоянно рассуждавшими о максимизации и минимизации риска, об исчислении вероятностей и т. п. Но честно говоря: “But, when it came to decision, we didn’t calculate — never” [“Если дело доходило до принятия решения, мы не занимались расчетами — никогда”].» Не думаю, что при Буше дело обстоит иначе.

3.7. Итак, будем разумными, последуем за президентом и согласимся: все мы на самом деле ничего толком не знаем. Что же теперь остается от наших гипотез о вероятностях? Вероятно, ничего. Иначе говоря: мы стоим перед решением в ситуации неопределенности. В таких ситуациях не существует какого-то генерального, годящегося для всех случаев критерия правильности решения. Оптимисты будут ориентироваться на лучшую возможность, а пессимисты — на худшую.

3.8. Но вернемся в Овальный кабинет. Вы сидите в президентском кресле. И теперь вы принимаете решение. Одно ваше слово — и...

3.9. Я решил так: от наступления отказаться. Инспекторы пусть себе остаются хоть до второго пришествия. Это все-таки дешевле, чем... И наконец, все расходы на инспектирование в любом случае возьмут на себя члены бывше-

го фронта оппозиционеров, даже если они за это потребуют — что вполне естественно, — чтобы в последующих сделках по нефти, которые, возможно, еще будут заключаться с Ираком, им было обеспечено более весомое участие, так или иначе компенсирующее понесенный ранее ущерб. Нет, серьезно: решающей причиной моего отказа от войны является опасение варианта «Омега 2».

3.10. Для этого отказа в данном специальном случае существует даже один не лишенный убедительности аргумент из теории рациональных решений: если при необходимости принять решение в ситуации неопределенности вред в худшем случае является несравнимо большим, нежели польза в лучшем случае, то тогда уж лучше, чтобы здесь — пусть в виде исключения — не было оптимистов. И к тому же я подумал: здесь, в отличие от большинства игр, строящихся на теории принятия решений, речь идет не о соревновании, где выиграю или проиграю только я один; в случае войны в Ираке речь идет... во всяком случае не только о рациональности.

3.11. Отступить! Таково было мое решение в Овальном кабинете Белого дома при втором варианте: я был президентом, но сохранял при этом мои убеждения и предпочтения. Во всех остальных отношениях я оставался самим собой.

Каково было бы мое решение при первом варианте? Помните: та же самая игра, но только на этот раз у меня мозги и сердце г-на Буша. Итак, тот же самый вопрос: война или отказ от войны?

3.12. Признаюсь: этот вариант игры для меня весьма затруднителен. Здесь мне просто не хватает большей части необходимого для такой игры фонового контекста. Правда, как я уже намекнул выше, я, Георг Меггле, подписываюсь под всеми четырьмя американскими «априори» (взятыми, однако, только в их самой общей форме): я тоже универсалист (т. е. противник этического релятивизма); я тоже думаю, что в определенных крайних случаях гуманитарные военные интервенции могут быть оправданны; я тоже против расизма и других форм дискриминации; я тоже был бы готов умереть, а может быть, даже и сам убить за некоторые свободы; я тоже полагаю, что мы должны придать нашей жизни более серьезное содержание, чем то, которое, по-видимому, является нормой в нашем обществе, ориентированном на потребление и развлечение. Однако всю дальнейшую конкретизацию этих общих установок *по-американски* я уже просто не перевариваю. Почему — об этом, пожалуй, в другой раз.

3.13. Итак: я Джордж Буш. Значит, мое решение вам известно. Война! А что же еще? Любой другой выбор был бы хуже. Другого выбора поэтому у меня нет. Другого выбора Саддам мне просто не оставил. Во всех последствиях виноват он, а не я.

Я знаю, что моя почтенная аудитория не одобрит решение, которое я, т.е. Джордж Буш, принял. Но в конце концов для меня это не самое главное. Я прошу только о понимании. Здесь я обращаюсь к людям во всем мире, причем подчеркиваю — не только к нашим друзьям. Обращаясь ко всем людям

доброй воли, я искренне и настойчиво призываю: поймите меня! Пусть Бог в премудрости своей укажет и вам истинный путь.

Однако как бы вы ни относились к моему решению, я уверен в одном: вы поймете, почему я не мог принять другого решения.⁶

Вы меня понимаете? Если да, то своей сегодняшней цели я достиг. Главная задача моего доклада как раз и состояла в том, чтобы способствовать этому пониманию.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я хотел бы закончить, бросив взгляд на то, что происходит в эти дни; причем для этого я лишь приведу цитату из работ одного мыслителя-аналитика, лучшего среди всех тех, кто когда-либо рассуждал о войне:⁷

По мере надобности они меняют значения слов. Бездумная воинственность считается мужественной самоотверженностью, предусмотрительное взвешивание последствий — облачением трусости. Дикое безрассудство принимают за мужество, а продолжение обсуждения — за благозвучную форму отказа от действий. Кто бранится и неистовствует, тот выглядит надежным; кто противоречит — подозрительным. Тому, кто, нападая, опережает другого, быть может, еще обдумывающего план, воздается хвала, а еще охотнее расхваливают того, кто обвинит другого в злом умысле, даже если тот на самом деле и не замышляет ничего дурного.

Это цитата из труда по истории Пелопонесской войны. О моральном упадке великой державы — Афин. Фукидид. 400 лет до рождения Христова. Большое спасибо! Wa shukran, shukran wa zi:lan!⁸

11.03.03

Альбертина,
библиотека Лейпцигского университета

Перев. с нем. Андрея Кричевского

<http://www.uni-leipzig.de/~philos/meggle/v-11-03.pdf>

Печатается с разрешения автора

⁶ Чтобы быть честным до конца: один и тот же образ мог бы играть решающую роль в обоих вариантах. Подобно тому как образ возможных наихудших последствий начала военных действий определил мое (ГМ) решение, точно так же для меня и в качестве Джорджа Буша мог бы играть определяющую роль тот же образ, но только уже с трупами американцев, причем теперь это был бы образ возможных наихудших последствий отказа от военных действий. Я (ГМ), однако, думаю, что эти образы, несмотря на свою идентичность, существенно отличаются друг от друга по своей мотивационной функции. Может быть, мы еще поговорим об этом более подробно в нашей дискуссии.

⁷ Указанием на это место я обязан одному из лучших фельетонов об этой войне, вышедших в «Frankfurter Allgemeine Zeitung». Это статья Ивана Нагеля «Ein verlorener Krieg» [«Проигранная война»] (Nr. 58, 10.03.03, S. 33). Помимо вышеупомянутого сценария Кеннета Поллака я, таким образом, в качестве обязательного домашнего чтения к моему коллоквиуму по войне в Ираке (летний семестр 2003) рекомендую — в отрывках — старого доброго Фукидида.

⁸ Этот доклад является совместным мероприятием Института философии Лейпцигского университета и Дома арабско-немецкой культуры в Лейпциге.